

УДК 81'42=111

МЕДИЙНОЕ БЫТОВАНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ДЕСТРУКЦИИ И СОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТЕЙ БИ-БИ-СИ)

Потапенко С. И.

Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя

В статье показано, что англоязычные новости воссоздают различные аспекты кризиса с опорой на до-концептуальные отношения сенсомоторного происхождения, среди которых важное место занимают деструкция и противопоставленное ей содействие. В украинском контексте последнее вербализуется на пяти уровнях: базовом, представленном непосредственными участниками, локальном, национальном, наднациональном и глобальном во взаимодействии с медийными перформативами.

Ключевые слова: кризис, новости, деструкция, содействие, медийный перформатив, Украина.

Потапенко С. І. Медійне побутування української кризи: вербалізація деструкції і сприяння (на матеріалі англійських новин Бі-Бі-Сі). У статті показано, що новини відтворюють різні аспекти кризи з опорою на доконцептуальні відношення сенсомоторного походження, серед яких важливе місце посідають деструкція і протиставлене їй сприяння. В українському контексті останнє вербалізується на п'яти рівнях: базовому, представленому безпосередніми учасниками, локальному, національному, наднаціональному і глобальному у взаємодії з медійними перформативами.

Ключові слова: криза, новини, деструкція, сприяння, медійний перформатив, Україна.

Potapenko S. I. Media existence of Ukrainian crisis: verbalizing destruction and support (a case of English BBC news stories). The paper reveals that news stories reconstruct different aspects of a crisis drawing on the preconception structures of sensory-motor origin with an important place occupied by destruction and support opposing it. In Ukrainian context the latter is verbalized at five levels: basic representing immediate participants, local, national, supernational, and global in combination with media performatives.

Key words: crisis, news story, destruction, support, media performatives, Ukraine.

Постановка проблемы. Прочитав заголовок статьи, читатель может задаться весьма логичным вопросом: почему украинские события, известные как революция достоинства, названы кризисом? Потому что это позиция Би-Би-Си, которая любое длительное и сложное событие называет кризисом. Если верить заголовкам, кроме Украины, кризис распространился повсюду: в Бурунди, Гаити, Греции, Йемене, Молдове, Пуэрто-Рико, Сирии, Кашмире, а кризис с мигрантами захлестнул всю Европу. В Британии кризисом охвачены системы образования, здравоохранения и жилья. А в передовой Америке наблюдается кризис с водными ресурсами. Да что там отдельные страны! Глобальный кризис распространился на экономику, спорт, медицину, науку. А там уже недалеко и до мега- или поликризиса.

Можно говорить, что мы живем в эпоху кризисов. Если раньше их можно было сосчитать на пальцах одной руки (карибский, суэцкий, валютный), то ныне параллельно разворачиваются несколько кризисов. Для их обозначения в английском языке даже сформировался набор дежурных словосочетаний: *energy / oil / housing / debt / border / political crisis*.

И откуда на нас обрушилась такая лавина кризисов? Ответ известен. Из СМИ. Именно они могут окрестить что угодно модным словом «кризис»,

позволяя многим пиариться на том, за что другим приходится расплачиваться. К тому же, английское словосочетание "in crisis" представляет кризис как замкнутое пространство-состояние, окутывающее, ограничивающее, сковывающее, вызывающее страх и отчаяние. Именно благодаря такому осмыслению кризис ассоциируется с другими весьма неприятными явлениями, обозначенными сочетаниями аналогичной структуры: *in poverty, in debt, in distress*. Для акцентирования интенсивности кризисного состояния английский язык предлагает нам и подходящие прилагательные: *a major / severe crisis*. А за ними спешат глаголы, которые описывают действия готовых заняться разрешением кризиса менеджеров: *resolve / solve / defuse a crisis*. Очевидно, что для медиа, особенно мировых, кризис, требующий длительного разрешения, – весьма удачная находка, поэтому он более притягателен, чем какие-то там проблемы, которые, хотя и могут быть большими, серьезными или важными (*big / serious / major problem*), находятся где-то рядом, не охватывая нас полностью, не являясь состоянием, преследующим нас денно и ночью. Да и круг проблем, зафиксированных английским языком, не тянет на глобальность: всего лишь деньги, семья, алкоголь, наркотики (*money / family / drink / drug problem*).

Так что же такое кризис? Реальность или мультимодальный медиа-продукт, порожденный запросами глобализации?

© Потапенко С. И. Медийное бытование украинского кризиса: вербализация деструкции и содействия (на материале англоязычных новостей Би-Би-Си)

Цель статьи состоит в обосновании статуса кризиса как медийного феномена, что предполагает решение таких задач: определение кризиса; выбор когнитивных структур для его лингвокогнитивного моделирования; проверка модели на материале заголовков англоязычных текстов новостей об украинских событиях, которые Би-Би-Си окрестила ныне модным словом «кризис». Материалом исследования служат заголовки онлайн-новостных сообщений Би-Би-Си за 2014–2015 годы.

Анализ последних исследований и публикаций. При изучении определений понятия кризиса обнаруживаются различия в его трактовке в двух картинах мира: научной, представленной в специальных исследованиях, и наивной, отраженной в толковых словарях английского языка. У исследователей нет единого мнения в определении кризиса: двадцать предложенных трактовок охватывают разные явления, начиная от ошибки или неожиданного поворота событий, вызывающего дополнительные – выходящие за рамки повседневного ритма – усилия, до стресса, неадекватного контроля, неуверенности или нарушения этических норм [5; 3]. При этом появление кризиса объясняют потерей контроля или планирования, граничащими с проявлениями риска [5; 3]. В других научных трудах кризис рассматривают как восприятие непредсказуемого события, приводящего к весьма серьезным последствиям [4; 19]. Наивные дефиниции кризиса, предлагаемые английскими толковыми словарями, более единодушны, чем исследователи, сводя кризис к множеству проблем. В одном источнике он рассматривается как время больших опасностей, трудностей или неуверенности, требующих решения проблем или принятия важных решений: *“a time of great danger, difficulty or uncertainty when problems must be solved or important decisions must be made”* [8, 298]. В другом источнике кризис трактуется как ситуация, изобилующая проблемами, требующими быстрого решения для предотвращения ухудшения состояния дел: *“a situation in which there are a lot of problems that must be dealt with quickly so that the situation does not get worse or more dangerous”* [7, 372].

Отметим, что недостаток приведенных дефиниций – как научных, так и наивных – состоит в определении кризиса через другие понятия, требующие дополнительного объяснения, то есть неизвестное трактуется через неизвестное. Но если в научных трудах перечень таких понятий достаточно велик, то толковые словари сводят кризис к нагромождению проблем. А последние, в свою очередь, определяются как ситуации, создающие трудности *“a situation that causes difficulties”* [7, 1304], которые, в свою очередь, сводятся к тяжести выполнения различных действий *“hard to do, understand or deal with”* [7, 434], то есть к примитивам, представленным силами. Поэтому для лингвокогнитивного моделирования кризиса обращаемся к доконцептуальным структурам сенсорного происхождения, формализованным образами-схемами ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ, ПРЕПЯТСТВИЕ, ПРИТЯЖЕНИЕ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ и ЛИШЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ [6, 45–47].

Изложение основного материала исследования. В текстах новостей Би-Би-Си центральной схемой, на которой основано воспроизведение кризиса и конфликта как его главной составляющей, является ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, включающее источник, вектор и цель [2, 36]. Однако лишь этими отношениями медийное бытование кризиса не ограничивается. Большая часть его составляющих осмысливается сквозь призму других силовых отношений, среди которых важное место занимают поддержка противодействующих сторон и их деструкция. Первая опирается на схему ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, фиксирующую наличие потенциала (power), необходимого для успешной деятельности [6, 47], а вторая – на ЛИШЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, отражающее отсутствие требуемого потенциала [6, 47]. В процессе деятельности указанные доконцептуальные отношения усложняются в виде разнообразных событий, соответствуя в научной картине мира категории экзистенциальности, задействованной в теориях логического анализа языка [1, 205].

Какие же из этих силовых отношений первичны при новостном воссоздании кризиса: поддержка или деструкция? По-видимому, последняя, ибо именно она является наиболее опасным элементом кризиса. Поэтому рассмотрение способов медийного воссоздания кризиса начинаем с деструкции, основанной на образ-схеме ЛИШЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, которая фиксирует отсутствие потенциала для выполнения деятельности [6, 47] на двух уровнях: обобщенном и непосредственного взаимодействия.

Обобщенные аспекты деструкции передаются единицами наиболее абстрактной семантики, под которую можно подвести любое событие, связанное с неудачами и разрушениями: *lose, fail, lack, disband, weakness, futile, helpless, break*. В общем плане единицы этой группы обозначают события на трех уровнях: локальном (*Crimea helicopter tries to disrupt Tatar rallies* (18 мая 2014 года)), национальном (*Ukraine ‘disbands elite Berkut anti-riot police’* (26 февраля 2014 года)) и межнациональном (*Russia says Kiev ‘breaking Geneva accord’ on Ukraine* (21 апреля 2014 года)).

На уровне непосредственного взаимодействия, или базовом в терминах Э. Рош [9, 43], деструкция может быть субъектно-объектной, когда человек разрушает объекты, и субъектно-субъектной, когда человек уничтожает себе подобных.

Субъектно-объектная деструкция представлена в незначительном количестве заголовков-высказываний: они обозначают ликвидацию баррикад (*Ukraine crisis: Kiev dismantles last protest barrier* (9 августа 2014 года)), разрушение мостов (*Bridges destroyed outside Donetsk* (7 июля 2014 года)), нарушение договоренностей (*Ukraine crisis: Rebels say Poroshenko tore up peace* (5 ноября 2014 года)).

Сопровождающая кризис субъектно-субъектная деструкция формируется в результате усложнения отношений ЛИШЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ за счет инструмента, источника, намерения.

Инструментальная деструкция, акцентируемая глаголом *shoot*, отражается заголовками-высказываниями, построенными по двум моделям: *канониче-*

скою, согласно которой последовательно обозначаются источник, вектор и цель, и *неканонической*, при которой в начале заголовка находится результат применения силы. При канонической структуре в начало заголовка-высказывания выдвигаются названия источника деструкции (*Special police shot Kiev protesters, inquiry says* (3 апреля 2014 года)), а при неканонической источник неизвестен, а поэтому в начале обозначены результаты его действий: сбитые вертолеты (*Ukraine army helicopter "shot down" despite ceasefire* (24 июня 2014 года)), или самолеты (*Ukraine military plane shot down as fighting rages* (14 июля 2014 года)).

Акцентируемый глаголом *kill* источник деструкции именуется в начале канонических заголовков-высказываний единицами, обозначающими взрывы, напр., *Ukraine gas blast kills 30 at Zasyadko coal mine* (4 марта 2015 года), ракеты, напр., *Ukraine crisis: Rockets kill '10 in Mariupol'* (24 января 2015 года), снаряды, напр., *Ukraine crisis: Shell kills four at Donetsk school* (1 октября 2014 года), или обстрелы, напр., *Shelling in east Ukraine kills nine as clashes escalate* (17 августа 2015 года). Неканонические заголовки-высказывания этой группы открываются единицами, указывающими на статус пострадавших или количество жертв. При обозначении статуса доминируют единицы, именующие военных, кроме одного заголовка о гибели гражданских лиц: *Ukrainian conflict: Civilians killed as truce collapses* (2 июля 2014 года). Военные дифференцируются в аспекте их званий: солдаты, напр., *Ukraine soldiers killed in renewed Sloviansk fighting* (5 мая 2014 года), офицеры, напр., *Ukraine officer killed in attack on Crimea base* (18 марта 2014 года), командиры, напр., *Ukraine crisis: Rebel commander Alexei Mozgovi "killed"* (24 апреля 2015 года). Количество обозначаемых погибших обычно невелико: два, напр., *Ukraine protests: Two protesters killed in Kiev clashes* (22 января 2014 года), восемь, напр., *Ukraine crisis: "Eight killed" in ambush in east* (13 мая 2014 года), несколько десятков, напр., *Ukraine crisis: Dozens killed in Odessa fire amid clashes* (2 мая 2014 года).

Подобно структурам, рассмотренным выше, номинативные единицы в начале заголовков-высказываний о непреднамеренной деструкции с глаголом *die* изображают цель в аспекте статуса и количества. Значительных отличий от рассмотренного выше материала не наблюдаем: единицы указывают как на гражданских лиц, включая детей, напр., *Children die in Donetsk shelling* (5 ноября 2014 года), и политиков, напр., *Ukraine far-right leader Muzychko dies "in police raid"* (25 марта 2014 года), так и на военных, напр., *"Seven Ukraine troops die" in deadliest post-truce attack* (29 сентября 2014 года). Отличия состоят в обозначении большего числа жертв, чем в рассмотренных выше заголовках: от десятков, напр., *Ukraine unrest: Dozens die as Donetsk airport retaken* (27 мая 2015 года), до неопределенного количества, напр., *Ukraine conflict: Soldiers die in eastern fighting* (26 января 2015 года), и множеств, напр., *Ukraine crisis: Many soldiers die in Donetsk attack* (22 мая 2014 года). Рост числа пострадавших передается предикатом *dead* в сочетании с местоимением *many*,

напр., *"Many dead" in Ukraine offensive in Sloviansk – Turchynov* (2 мая 2014 года), или числительными с семантикой приблизительности, напр., *Almost 1,000 dead since east Ukraine truce – UN* (20 ноября 2014 года). Дальнейшее увеличение количества погибших акцентируется выдвиганием словосочетания *death toll*, напр., *Ukraine conflict: Death toll rises ahead of peace talks* (11 февраля 2015 года).

Отношения содействия характеризуют вовлеченных в кризис источник и цель, отношения между ними и применяемые инструменты на базовом, локальном, национальном, межнациональном и глобальном уровнях.

Содействие непосредственных участников, соотносимое с источником и целью, проявляется на базовом уровне в их самообеспечении, раскрываемом глаголами с семантикой физической деятельности: они описывают укрепление баррикад протестующими, напр., *Ukraine protesters rebuild barricades in centre of Kiev* (13 декабря 2013 года), или перегруппировку сил сепаратистами, напр., *Ukraine rebels regroup after losing Sloviansk* (6 июля 2014 года), а на национальном уровне – возобновление военных действий, напр., *Ukraine unrest: Kiev resumes military operation in east* (3 мая 2014 года).

Создание новых источников противодействия обозначается глаголами *create* и *form* на двух уровнях: национальном, напр., *Ukraine creates National Guard ahead of Crimea vote* (13 марта 2014 года), и межнациональном, напр., *Poland, Ukraine and Lithuania form joint military unit* (19 сентября 2014 года). Результаты деятельности субъектов, соотносимых с источниками противодействия, отражены глаголом *win*, описывающим победу войск, напр., *Ukraine crisis: Kiev forces win back Mariupol* (13 июня 2014 года), или партий, напр., *Ukraine crisis: Pro-Western blocs "win Ukraine poll"* (26 октября 2014 года). Усиление цели противодействия передается заголовками-высказываниями неканонической структуры, указывающими на получение выгод, напр., *Ukraine crisis: Rebels granted self-rule and amnesty* (16 сентября 2014 года).

При изображении взаимодействия между участниками кризиса, соотносимом с источником и целью содействия, вектор ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ проявляется в четырех базовых отношениях: поддержки, стремления, помощи и уступки.

Общественная поддержка противоположных сторон кризиса представлена митингами, обозначенными единицей *rally* в функции подлежащего, напр., *Huge Ukraine rally over EU agreement delay* (24 ноября 2013 года), или сказуемого, напр., *Ukraine crisis: Russians to rally in Moscow to mark "coup"* (21 февраля 2015 года).

Стремления содействовать разрешению кризиса отражены заголовками-высказываниями с глаголами *try*, напр., *Monitors to try to reach Debaltseve* (16 февраля 2015 года), и *seek*, обозначающим намерения различных участников. На национальном уровне к ним принадлежат оппозиционные силы: депутаты, напр., *Ukraine crisis: Opposition MPs seek to curb president's powers* (4 февраля 2014 года), и сепаратисты, напр., *East Ukraine separatists seek union with*

Russia (12 мая 2014 года). На межнациональном уровне они включают российское и украинское правительства, пытающиеся остановить кровопролитие, напр., *Ukraine crisis: Moscow and Kiev seek "end to bloodshed"* (6 июня 2014 года), а на глобальном – деятельность дипломатов разных стран, напр., *Top diplomats seek Ukraine solution in Paris talks* (5 марта 2014 года).

Помощь в разрешении кризиса приобретает различные формы на отдельных уровнях: на межнациональном она проявляется в организации бегства бывшего украинского президента, напр., *Putin: Russia helped Yanukovich to flee Ukraine* (24 октября 2014 года), и в продлении времени на выплату долга, напр., *Russia gives Ukraine more time to pay gas bill* (2 июня 2015 года); на глобальном уровне она представлена поддержкой Украины западными партнерами: как моральной, напр., *Nato summit: Alliance "stands with Ukraine"* (4 сентября 2014 года), так и материальной, напр., *Ukraine conflict: US "may supply arms to Ukraine"* (9 февраля 2015 года). Финансовая помощь отражена в заголовках-высказываниях канонической структуры выдвижением единиц, именуемых субъектов, оказывающих помощь, напр., *Ukraine crisis: Creditors to write off 20% of debt* (27 августа 2015 года), а в заголовках неканонической структуры – единиц, указывающих на источник содействия: *deal*, напр., *Russia-Ukraine gas deal secures EU winter supply* (31 октября 2014 года), и *bailout*, напр., *Ukraine bailout "sufficient to rebuild credibility"* (24 января 2015 года).

Уступки с целью разрешения кризиса представлены на национальном и межнациональном уровнях глаголом *offer*, который включается в высказывания, воссоздающие аналогичные и отличные модели поведения сторон. Аналогичные уступки представлены предложением бывшим украинским президентом правительственных постов представителям оппозиции, напр., *Ukraine crisis: Yanukovich offers jobs to opposition* (25 января 2014 года), и большей автономии сепаратистам на востоке нынешним, напр., *Poroshenko offers rebels more autonomy* (10 сентября 2014 года). На межнациональном уровне Россия предлагала помощь бывшему украинскому правительству, напр., *Russia offers Ukraine major economic assistance* (17 декабря 2013 года), а Европа – нынешнему, напр., *Ukraine crisis: EU offers Kiev \$700m in trade breaks* (11 марта 2014 года).

В аспекте средств разрешения кризиса отдельный вариант содействия представлен медийными перформативами, равными выполнению действий [3, с. 274]. В этом случае физические инструменты ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ заменяются словесно-медийными, напр., *Ukraine crisis: Russia's Putin "backs 25 May election"* (7 мая 2014 года). Медийные варианты имеют ряд признаков, которые отличают их от прагматических перформативов, характеризующих повседневное общение [3, 274]. Во-первых, они произносятся не от первого лица, что характерно для прагматических перформативов, а от третьего, сопровождаясь задержками, обусловленными временными затратами на продвижение по коммуникативным каналам. Во-вторых, они принад-

лежат лицам с высоким статусом: национальным, межнациональным или глобальным. В-третьих, они изначально предназначены для медийной ретрансляции.

Медийные перформативы, направленные на разрешение кризиса, охватывают намерения, обещания, декларации, подтверждения, сообщения об изменении политического или юридического статуса.

Намерения представлены в заголовках-высказываниях инфинитивом: они сообщают о планируемом российском конвое, напр., *Ukraine crisis: Russia "to send new aid convoy"* (25 августа 2014 года), о желании содействовать освобождению европейских наблюдателей, напр., *Ukraine crisis: Moscow "to help free European observers"* (26 апреля 2014 года), о создании гуманитарных коридоров, напр., *Ukraine to create humanitarian corridors in east* (10 июня 2014 года), или о тренировке украинских солдат британцами, напр., *Ukraine army to be trained by UK troops – Cameron* (24 февраля 2015 года).

Обещания кодируются глаголами *pledge, vow, bid* на национальном, межнациональном и глобальном уровнях. Наибольшее количество обязательств – в основном невыполненных – характерно для национального уровня. Они принадлежат бывшему украинскому президенту, напр., *Ukrainian ex-leader Viktor Yanukovich vows fightback* (28 февраля 2014 года), и министру обороны, напр., *Ukraine's new defence minister promises Crimea victory* (3 июля 2014 года), а также новому украинскому руководству, вынужденному реагировать на сбитый сепаратистами самолет, напр., *Ukraine's Poroshenko vows response to Luhansk plane downing* (14 июня 2014 года), гибель военных, напр., *Ukraine president vows to act over army deaths* (11 июля 2014 года), или обнадеживать, что на востоке будет установлен мир, напр., *Ukraine vows to bring peace to east* (30 мая 2015 года). Российские обещания, связанные с межнациональным уровнем содействия, напротив, оказались выполненными: соседнее государство настаивало на сохранении своих войск на границе, напр., *Ukraine crisis: Russia vows troops will stay* (3 марта 2014 года), отрицало намерение вторгнуться на Украину, напр., *Ukraine crisis: Russia vows no invasion* (29 марта 2014 года), и было готово уважать результаты президентских выборов, напр., *Russia's Vladimir Putin "to respect" Ukraine vote* (23 мая 2014 года). Для глобального уровня характерен рост расплывчатости даваемых обещаний: первоначальные намерения прекратить противостояние, напр., *Ukraine crisis: Western diplomats bid to end stand-off* (10 декабря 2013 года), сменились общей поддержкой Украины, напр., *US President Obama pledges to "stand with Ukraine"* (12 марта 2014 года), а затем новыми дипломатическими инициативами, напр., *Ukraine crisis: Germany launches fresh diplomatic bid* (13 мая 2014 года). Более сильный вариант обещаний представлен российскими заверениями о мирном характере посылаемого на Украину конвоя, напр., *Ukraine crisis: Russia assures US on aid convoy* (15 августа 2014 года).

Медийные перформативы-декларации равны прекращению огня, напр., *Ukraine's President Petro Poroshenko declares ceasefire* (20 июня 2014 года),

а подтверждения гарантируют правдивость выполненных действий, напр., *Ukraine crisis: Poroshenko confirms rebel weapons moved* (9 марта 2015 года).

Перформативы, сигнализирующие об изменении политического статуса отдельных субъектов или территорий, по-разному вписываются в разрешение кризиса. В начале заголовков-высказываний об изменении статуса политиков, обозначена цель содействия: исполняющий обязанности президента, напр., *Ukraine: Speaker Oleksandr Turchynov named interim president* (23 февраля 2014 года), или премьер-министра, напр., *Ukraine crisis: Yatsenyuk is PM-designate, Kiev Maidan told* (26 февраля 2014 года), кандидат в президенты, напр., *Poroshenko claims Ukraine presidency* (25 мая 2014 года), или избранный глава государства, напр., *Ukraine's Poroshenko sworn in and sets out peace plan* (7 июня 2014 года). Заголовки-высказывания об изменении статуса территорий начинаются именованием автора перформатива: в столице – это оппозиция, напр., *Ukraine crisis: Opposition asserts authority in Kiev* (22 февраля 2014 года), на востоке протестующие, напр., *Ukraine crisis: Protesters declare Donetsk "republic"* (7 апреля 2014 года).

Перформативы, сигнализирующие об изменении юридического статуса, объявляют о проведении референдумов, выборов или о принятых законах, направленных на разрешение кризиса. Результаты референдумов и выборов сигнализируют об изменении локального, национального, межнационального или глобального статуса субъектов. Юридические перформативы локального уровня, связанные с изменением статуса территорий, представлены сообщениями о референдумах: крымском, напр., *Ukraine crisis: Crimea holds secession referendum* (16 марта 2014 года), и восточнукраинском, напр., *Ukraine rebels hold referendums in Donetsk and Luhansk* (11 мая 2014 года), а также о местных выборах, напр., *Ukraine crisis: Separatists hold controversial polls* (2 ноября 2014 года).

На национальном уровне юридическая поддержка в кризисный период проявляется в аспектах самообеспечения или содействия другим. Самообеспечение представлено изменениями национального законодательства, касающегося упразд-

нения ранее принятых законов, напр., *Ukraine crisis: MPs to vote on scrapping anti-protest law* (28 января 2014 года), лишения статуса беглого президента, напр., *Ukrainian MPs vote to oust President Yanukovich* (22 февраля 2014 года), возобновления всеобщей воинской повинности, напр., *Ukraine reinstates conscription as crisis deepens* (1 мая 2014 года). Межнациональный юридический перформатив отражает согласие Думы на размещение российских войск на территории Украины, напр., *Russian parliament approves troop deployment in Ukraine* (1 марта 2014 года), а глобальный вариант касается голосования о вступлении Украины в международные организации, напр., *Ukraine to hold Nato vote when membership criteria are met* (24 ноября 2014 года), или о прекращении статуса непризнания, напр., *Ukraine votes to drop non-aligned status* (23 декабря 2014 года). Неканоническая структура медийных перформативов представлена вопросительными заголовками-высказываниями, ставящими под сомнение легитимность некоторых юридических действий, напр., *Ukraine crisis: Will the Donetsk referendum matter?* (9 мая 2014 года).

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, представление в англоязычных новостях многоликого кризиса проявляет связь с силовыми отношениями сенсомоторного происхождения, среди которых важное место занимают деструкция, основанная на образ-схеме ЛИШЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ, и противопоставленное ей содействие, опирающееся на ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ. Деструкция состоит в общем, инструментальном, преднамеренном или непреднамеренном уничтожении цели. Кроме физических действий, направленных на усиление источника или цели содействия, другие аспекты разрешения кризиса представлены установлением отношений поддержки, стремления, помощи или уступки, а также использованием медийных перформативов, сигнализирующих о намерениях, обещаниях, декларациях, подтверждениях, изменениях политического или юридического статуса. Перспектива дальнейших исследований состоит в выявлении способов оречевления других отношений, структурирующих кризис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.
2. Потапенко С. И. Почему спор – это не война: как украинские события обогащают когнитивную лингвистику / С. И. Потапенко // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка. Серія Філологічні науки. – 2016. – Вип. 146. – С. 36–40.
3. Теоретическая грамматика современного английского языка / [И. П. Иванова, И. И. Бурлакова, Г. Г. Почепцов]. – М. : Высшая школа, 1981. – 350 с.
4. Coombs W. T. Parameters for Crisis Communication / W. T. Coombs // Handbook of Crisis Communication. – Wiley-Blackwell, 2012. – P. 17–53.
5. Heath R. Introduction / R. Heath // Handbook of Crisis Communication. – Wiley-Blackwell, 2012. – P. 1–13.
6. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
7. LDCE: Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow : Longman, 2003. – 1948 p.
8. OALD: Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 1540 p.
9. Rosch E. Principles of categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.